

РОМЕО

ДЖУЛЬЕТТА

Величайшая
история
любви

Николай
Бахрошин

История их любви

Николай Бахрошин

**Ромео и Джульетта.
Величайшая история любви**

«Алгоритм»

2013

Бахрошин Н. А.

Ромео и Джульетта. Величайшая история любви /
Н. А. Бахрошин — «Алгоритм», 2013 — (История их любви)

История Ромео и Джульетты облетела весь мир. О них писали поэты, на них ссылались философы, их обсуждали толпы, выполоскав все их короткие жизни до самого доньшка. Вроде, так... Только их подлинную историю, все подводные камни этой бурной и страстной любви до сих пор мало кто знает! Известный писатель Николай Бахрошин предлагает новую версию событий 1302 года в городе-сеньоре Вероне, основанную на изучении исторического материала. Теперь вы узнаете то, о чем не писал Шекспир... Увлекательный роман, написанный на основе исторических хроник и документов. Для всех, кто хочет узнать настоящую историю Величайшей любви.

© Бахрошин Н. А., 2013

© Алгоритм, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Николай Бахрошин

Ромео и Джульетта.

Величайшая история любви

Глава 1

– А ну-ка, Альфонсо, подкинь в огонь еще хворосту! Да не жалея, не жалея, мой мальчик, кидай в огонь всю вязанку. Сейчас, когда зимний ветер завывает за стенами, стонет в трубах и ледяными пальцами пробует на крепость деревянные ставни, нет ничего приятнее трескучей песни огня...

Пусть сорок чертей застрянут у меня в глотке – что еще хотеть старому солдату? Разве только баранью ногу, запеченную до хрустящей корочки, да миску соленых оливок, да кувшин вина, подогретый с пряностями из арабских земель. Как говаривал мой добрый друг Данте из рода Алигьери: «Любую истину можно найти на дне кувшина с вином, как всякую правду можно скрыть на острие клинка...»

А ведь он умел сказать, этот Данте! Так сказать, что после него слова других словно бы теряют смысл и рассыпаются, как прах в заброшенном склепе. Вы знаете, сеньоры и сеньориты, я сам был когда-то не чужд поцелую муз, и не одни блестящие глазки завешивались ресницами от пыла моих рифмованных объяснений, но, признаю, против Данте Алигьери, я, в этом смысле, все равно как кухонный вертел против рыцарского меча. Ну, да вы же слышали про моего друга Данте... Как сейчас помню, это был пламенный гвельф и вечный изгнанник. И, кстати, мастер заглядывать в такие закоулки универсума, куда, между нами говоря, добропорядочному христианину не стоило бы совать свой нос. Если конечно добропорядочный христианин не хочет, чтобы этот нос ненароком не прищемили крышкой адской жаровни...

Не ухмыляйся, не ухмыляйся, Альфонсо, плут! Запомни, мальчик, если ты с юных лет привыкнешь скалить зубы над теми, кто старше и умнее тебя, то, клянусь трубой архангела Гавриила, в зрелом возрасте будешь улыбаться лишь беззубыми деснами, размачивая во время трапезы каждый кусок лепешки. Это тебе обещаю я, седой капитан и мастер клинка Умберто Скорцетти, убивший больше врагов, чем ты, сынок, придавил вшей у себя за шиворотом!

Все еще скалишься, плут? Конечно... Как опять-таки говорил в таких случаях мой друг Данте: «Ничто не вызывает у глупцов столько смеха и недоверия, как истина...»

Ах ты, мошенник, огонь опять начал гаснуть! Давай, не ленись, тащи еще хворост!

Нет, пусть сорок чертей застрянут у меня в глотке, если парень не так же нерасторопен, как целая капелла францисканских монахов...

Но я отвлекся, простите, сеньоры и сеньориты. Клянусь спасением вечной души, этот малый даже святого доведет до того, что тот начнет кусать за пятки прохожих... Так о чем это я? Конечно, о ветре и холоде... Том вечном холоде смерти, который, увы, поджидает любого из нас на исходе жизненного пути...

Я помню, благородные сеньоры и вы, сеньориты... пусть не такие уж благородные, зато, к нашему счастью, доступные, как папская индульгенция на один день, я помню, как мы хоронили Ромео Монтекки. Был, если не ошибаюсь, август, но похолодало внезапно и необъяснимо для наших теплых краев. И так же завывал ветер, сея вокруг мелкую пыль дождя. Капли оседали на лицах, и на одежде, на ветвях деревьев и на камнях склепов, и казалось, что весь мир вокруг скорбит и роняет слезы.

В тот же день, помню, хоронили девицу Джульетту, и ее, между прочим, уже по второму разу.

Да, Альфонсо, и так бывает. И нечего бестолково тарашиться... Нет, это не фамильное развлечение семьи Капулетти – хоронить девиц. Если ты считаешь, что это удачная шутка, то, клянусь непорочным зачатием девы Марии, ты ошибаешься! Как сказал однажды другой мой хороший друг Джованни Бокаччо, тоже гвельф и тоже изгнанный из города-сеньора Флорен-

ции: «Лучше умно промолчать, чем глупо высказаться!». К тебе, Альфонсо, это относится в первую очередь.

Поясняю для непонятливых: первый раз ее поместили в семейный склеп, сочтя мертвой, а уж во второй раз она действительно по-настоящему умерла. И так бывает в нашем многогрешном мире, где действительно случается все, что угодно. Эти юные влюбленные из города-сеньора Вероны, Ромео и Джульетта, стали жертвой такого невероятного стечения обстоятельств, за которыми так и видится коварная ухмылка судьбы...

Итак, сеньоры и сеньориты, сегодня я хочу поговорить о любви. Не об очищающей любви к Господу нашему Иисусу Христу, не о терпеливой любви родителей к своим чадам, а о плотской любви мужчины и женщины, что сжигает и очищает, возвышает и бросает нас в бездну, и, одновременно, позволяет дотянуться до звезд. Я, старый Умберто Скорцетти, знаю в ней толк...

Альфонсо, мальчик, если ты будешь хохотать так же неудержимо, как черти на поминках епископа, я прикажу вывести тебя во двор и держать в бочке с водой, пока ты не заквакаешь, как целое болото лягушек апрельским вечером! А потом еще прикажу всыпать горячих по тому круглому месту, где нет ушей!

Скажу откровенно, сеньоры и сеньориты, для воспитания в слугах подобающей им почтительности нет ничего лучше гибких ивовых прутьев, смоченных в соленой воде. Больше того, я до сих пор уверен, что если бы родители наших знаменитых влюбленных поменьше потакавали их молодому гонору и побольше налегали на иву, вся эта история не кончилась бы столь печально.

Я понимаю, вы сейчас думаете про себя – вот старый пень разговорился, не остановишь. Ромео и Джульетта – что здесь рассказывать? О них уже говорено больше, чем о геморрое и желудочных коликах достопочтенного Папы Бонифация VIII! История их любви облетела весь свет, одинаково приземляясь на захудалых театральных подмостках и на самых прославленных сценах!

Да, не спорю, о них вроде бы многое известно. О них уже писали поэты, на них ссылались философы, их обсуждали толпы, выполоскав все их короткие жизни до самого доньшка. Вроде, так...

Только не совсем так! Подноготную этой страстной и бурной любви до сих пор мало кто знает. А теперь, с годами, остается совсем немного людей, которые бы помнили правду. Толпа ведь как – знает только то, что хочет знать. Сама придумывает себе мифы и слепо им поклоняется. А остальное – не втемашить им в головы, даже если с утра до вечера долбить по тупым башкам кувалдой для забивания свай. Это тоже говаривал мой друг Данте, и пусть сорок чертей застрянут у меня в глотке, если он не прав и на этот раз...

Но я опять отвлекся, извините старого болтуна...

Вы спрашиваете, сеньоры и сеньориты, откуда мне известны подробности знаменитой любви двух веронцев? Отвечу честно и прямо, как глядел когда-то в лица надвигающихся врагов. Дело в том, что их история не просто разворачивалась на моих глазах. Я, Умберто Скорцетти, был ее самым непосредственным участником! Больше того – исповедником и наперстником двух юных сердец, прямым организатором заговора любви против чванства!

А вот почему обо мне никто не знает, почему ни один балаганный шут, ни один плешивый писака, мнящий себя ближе к Господу Богу чем вся Кардинальская Курия, не упоминал моего имени рядом с ними – об этом я поведаю вам чуть позже. Не сомневайтесь, это не останется для вас тайной...

* * *

Для начала расскажу о себе. Я, Умберто Скорцетти, бродяга, солдат, наемник, любовник, поэт, мастер фехтования и интриги, участник стольких сражений, стычек и междоусобиц, сколько не найдется волос на полу цирюльни на бойкой рыночной площади, родился в 1272 году от Рождества Христа Сыне Божьего близ города Палермо, что на Сицилии.

Сразу поясню, наш род берет свое начало в глубокой древности, выводя корни от римского патриция и сенатора Скорциона. Он хоть и был язычником, не верящим в спасение души крестом и распятием, являлся, тем не менее, мужем благородным и знаменитым. Славился высоким умом, государственной мудростью и несметными родовыми богатствами... Пусть сорок чертей застрянут у меня в глотке, но мне иногда приходит в голову, что не только истинность веры возвышает нас над другими людьми, сам человек тоже должен приложить к этому кое-какие усилия! Но – умолкаю, умолкаю, конечно же... Не хочу прослыть большим безбожником и вольнодумцем, чем сам Данте Алигьери, расставлявший кардиналов, герцогов и императоров по кругам ада так же бестрепетно, как хороший игрок в шахматы расставляет по деревянной доске резные фигурки. Все мы помним, чем это кончилось для него...

Итак, происходя из древнего и почтенного рода, являясь рыцарем по рождению, я, тем не менее, не занял подобающего мне места при дворе короля Сицилии. Честно сказать, король и королевский двор вообще не подозревали о моем существовании, что, без сомнения, сделало их жизнь куда менее насыщенной и интересной. А все дело в том, что к моменту моего появления на божьем свете, бывшие богатства семьи Скорцетти растаяли как утренний туман под лучами восходящего солнца. Потомки Скорциона хоть и обрели истинную веру, но богатства сенатора изрядно растратили. Окончательно подкосило наш род завоевание Сицилии норманнами, случившееся за три-четыре десятка лет до моего рождения. Тогда большая часть наследных земель была просто конфискована в пользу надменного норманнского рыцарства.

Так что я родился и рос на небольшой вилле в глухой провинции. Полуразвалившийся дом, несколько рощей олив, пара виноградников на склоне, несколько наделов пахотной земли, где исконно выращивалась пшеница твердых сортов, да четыре десятка семей крепостных крестьян – вот и все, что осталось от былой славы рода... Да, именно крепостных крестьян, не удивляйтесь. Это у нас, в центральных и северных областях Италии крестьяне давно свободны. А там, на моей далекой, солнечной родине даже в нашем просвещенном веке, четырнадцатом по счету от Рождества Христова, крестьяне до сих пор остаются принадлежностью своих господ. Завоеватели норманны принесли на юг свои северные порядки и до сих пор их придерживаются, насколько я знаю...

Но – продолжу. Своего уважаемого отца я почти не помню, он умер, когда мне было чуть больше двух лет от роду. По словам добродушного падре Чезаре из церкви Сорока Мучеников – от ран, вынесенных из былых сражений. По словам матушки – от переизбытка домашнего вина, которое потреблял с такой страстью, что почти не оставлял на продажу. После его смерти моя почтенная матушка сама взялась за хозяйство, и, будучи женщиной практичной и твердой, научилась сводить концы с концами. У нее получалось и семью накормить, и церкви пожертвовать, и даже отложить что-то на черный день. Но не больше, конечно, настоящей роскоши я в детстве не знал, впрочем, и не страдал по ней.

Итак, я рос, мужал под жарким солнцем благодатного юга и ухитрился получить кое-какое образование. Приобщение мое к наукам происходило, скорее, усилиями благочестивых отцов из монастыря святого Бенедикта, чем моими собственными стараниями. Добрые отцы не жалели рук, направляя меня на путь познания розгами, палками, пинками и зуботычинами. Честно сказать, иногда мне приходит в голову, что наука воспитания юношества заключается

не только в битье воспитуемого по всем выступающим местам и по всякому поводу. Но это, разумеется, слишком смелое и далеко уводящее рассуждение...

Надо сказать, под солнцем юга юноши взрослеют раньше, чем здесь на севере Италии. Пусть почтенная матушка, упокой Господь ее душу, не пыталась привить мне воинственный дух, а, наоборот, всячески старалась держать в узде, но кровь римских патрициев – древних героев и покорителей мира – дала себя знать. Меня, подростка, очень скоро начали интересоваться не жития святых и тайны арифметики, а терпкий сок женской любви и холодный огонь вина.

Не сочтите за хвастовство, но я самого с детства выделялся среди ровесников силой, гибкостью и выносливостью. Бег, гимнастика, плавание – во всем был первым. Кроме того, живой ум и общительность помогли мне свести знакомство с неким Альбано Торелли, пожилым ветераном, поселившимся неподалеку от нас. Он, скуки ради, взялся учить меня фехтования на мечах и тоже отметил мою способность ко всяким мужественным упражнениям. Это качество, впоследствии, сослужило мне как хорошую, так и дурную службу...

Как? Очень просто. Хорошее здесь в том, что я жив, здоров и сижу перед вами, рассказываю старые байки, оставив за плечами многие трудности и испытания. А плохое... Рассудить – именно уверенность в собственных силах и любовь к приключениям толкнули меня на путь скитальца и воина. Который, как вы можете догадаться, приносит больше грехов на душу, чем золотых флоринов в кошель.

Кроме того, сыграла роль и моя чрезмерная пылкость. К высокому росту и крепости членов природа наделила меня еще немалой степенью миловидности. Что зря хвастаться, вы видите все собственными глазами, хотя годы и забрали с меня свою дань. А тогда, в молодости, я вообще вспыхивал во всех случаях, где сейчас лишь тлею. Поэтому очень скоро мои плотские утехы перестали ограничиваться простоватыми крестьянскими девушками, и перешли на продукт более пикантный – дочерей и жен окрестных землевладельцев.

О, достигнув неполных шестнадцати лет, я уже стал изрядным повесой! С удовольствием размахивал как мечом, так и тем клинком, что обнажают только перед прекрасным полом.

А какой я был при этом хитрец и проказник! До сих пор вспоминаю не без приятности... Как сейчас помню, однажды, словно в сочинениях улыбчивого Бокаччо, я овладел некоей особой прямо в исповедальне во время исповеди, пробравшись туда заранее. Да простит мне Господь тот грех легкомыслия, но я до сих пор улыбаюсь, когда вижу перед собой выпученные глаза старого падре Чезаре. Только представьте – церковь, исповедь, добрый падре, и вдруг сеньора начинает с безумной страстью выкрикивать ему через исповедальную решетку: «Грешна! Грешна! Падре, грешна-а! О Господи Боже, Отец мой Небесный, как же я грешна-а-а..! О падрэ-э-э..!»

А в чем грешна – так и не смогла выговорить. Лишь вскрикивала и стонала, вгоняя падре Чезаре в краску. Святой отец никогда еще не встречал подобный религиозный экстаз и, моему, слегка растерялся.

К слову сказать, за душу этой сеньоры я не слишком-то беспокоюсь. Добрый падре, не зная того, отпустил ей тот грех прямо на месте его совершения. Сам же я поскромничал обратиться к священнику с этим вопросом, а, наверное, стоило бы...

Молодость, молодость...

Конечно, церковь проповедует укрощение плоти и воздержание. Но как, к примеру, воздерживаться весной, когда все оживает после зимней спячки, когда всякая травка источает аромат и дурман, а любой букан-таракан совокупляется с подругой у тебя на глазах?

Я понимаю, что рискую впасть в ересь недоверия, но все-таки поделюсь с вами одной мыслью. Внимательно (пусть не без принуждения!) прочитав в свое время все канонические тексты Евангелий, я не нашел ни одного указания на то, что Господь наш Иисус Христос был противником плотской любви. Насколько я разобрался, укрощение плоти возникло в нашей Истинной Вере куда позднее Распятия, когда возобладала точка зрения Апостола Павла. Вот он действительно высказывался о любви мужчины и женщины столь же категорично, как старый сержант характеризует неровный строй рекрутов. Я, безусловно, ничуть не ставлю под сомнение святость Апостола, как солдат не вправе усомниться в приказах генерала во время боя! Хочу только заметить, что, согласно многим древним источникам, Святой Павел выполнял свой подвижнический долг на божьем свете, спустя две сотни лет после Вознесения Христа. Вполне мог что-то напутать, не совсем верно истолковав заветы Спасителя. Не могу сравнивать, не рискуя кощунством, но рассудить прямо, по-солдатски – это примерно так же, как

если бы вы предпочли моему правдивому изложению пересказ моих слов, состряпанный глуповатым Альфонсо...

Впрочем, хватит, молчу, молчу... Если продолжать в том же духе, недалеко и до расшатывания основ. А, расшатав основы, сеньоры и прекрасные сеньориты, не стоит удивляться, если тебе на голову валится крыша!..

Теперь, годы спустя, я не могу не удивиться мудрой дальновидности моей матушки. Она, скрепя сердце, быстро поняла, что жаркий климат Сицилийского королевства Роджера II становится слишком вреден для ее отпрыска. У окрестных баронов и рыцарей уже накопилось против меня достаточно злобы, чтобы они в ближайшем будущем объединились и, изловив хитроумного Умберто, пустили в ход ножи и мечи. При тех простых нравах нашей провинции, матушка, упокой Господь ее душу, не без основания опасалась, что месть разъяренных землевладельцев падет не только на мою грешную голову, но коснется и ее саму, и моего младшего брата Урбино, юношу скромного и послушного не в пример мне.

Поэтому матушка, охая и вздыхая, сама предложила, чтобы я покинул дом и продолжил жизненный путь, обучаясь в знаменитом Флорентийском университете. Даже собрала в этих целях кое-какие средства. Мол, север Италии с его вольницей независимых городов и общей легкостью нравов куда больше подходит моему характеру, чем строгая патриархальность юга. Мол, здесь, на Сицилии, я выделяюсь как волосы на ладони, а там, среди распутников и негодяев севера, все-таки имею шанс сойти за своего.

– Спаси тебя Бог, сынок! – просто сказала она на прощанье. – Не о такой судьбе для тебя я мечтала, не на эту дорогу старалась направить. Но, видимо, не зря люди говорят – от гнилого семени не бывает доброго колоса! (Здесь мне послышался намек на отца) Ты уж береги себя впредь, и постарайся, все-таки, не сдохнуть в канаве!

Да, много воды утекло, много дорог осталось за моими плечами с той благословенной поры... Но я до сих пор вспоминаю ее скуластое, угловатое, загорелое до черноты лицо, словно вырубленное из камня. Слышу пусть не мелодичный, зато родной голос...

Не буду спорить, моя почтенная матушка, высокая, плечистая, жилистая как ветеран из полка германских рейтеров, часто бывала сурова и непоколебима, оставаясь нежной и любящей лишь глубоко в душе. Честно сказать, для меня до сих пор остается загадкой, как мой отец, хоть и разоренный, но все же аристократ, патриций и землевладелец, женился на моей матушке, девушке простой, без приданного и, увы, не отличающейся красотой и кротостью. Но оставим нашим родителям их былые тайны...

Вот вы улыбаетесь, думаете наверно – вот так любящая мать, выставила сына из дома! А я до сих пор уверен, что матушка своей волей спасла мне жизнь. Сицилийские нравы, знаете ли, не та штука, с которой можно долго играть...

Так что отца я, к глубокому сожалению не могу вспомнить, а о матушке теперь часто думаю о с умилением, оставив позади все плохое, а все хорошее выдвинув в авангард.

Что делать, под старость мы все ставимся терпимее и сентиментальнее к собственному прошлому...

* * *

Напомню, в те добрые старые времена каждый из городов-сеньоров имел собственное прозвище. Рим, к примеру, называли «Вечным», Венецию – «Богатой», Болонью – «Ученой». А вот Флоренцию по праву звали «Красивейшей».

После строго юга жизнь в этом кипучем городе, где и здания, и люди одинаково причудливы и прихотливы, показалась мне бесконечным мельканием карнавальных масок. Именно в тот период своей жизни мне удалось свести знакомство с такими выдающимися людьми, как Данте Алигьери, Джованни Боккаччо и многие другие. Впрочем, я уже поминал об этом...

Напомню, Флорентийский университет, куда я отправился постигать жизнь, и в те времена уступал Болонскому, этой истинной цитадели учености, прославленной во всем мире. Зато наш академиум отличался особым, неудержимым буйством студентов. И даже в такой компании, где выделиться было не так-то просто, я очень скоро заслужил у почтенных профессоров множественные знаки отличия. Как они только не называли меня – «болячкой», «чумой», «наказанием Господним», «прыщом сатаны», «незаживающей язвой»... С юности обладая замашками командира и вожака, я очень скоро сколотил вокруг себя теплую компанию шалопаем, с которым и погряз во всех тяжких.

Дальше – больше. Для разгульной жизни требовались средства, и мы постепенно перестали стесняться в методах пополнения кошельков. Кости, обман, плутовство – средства, в общем, известные. Очень скоро мы с моими молодцами пришли к выводу, что десяток плечистых, вооруженных парней легко могут поправить свое финансовое положение, если прогуляются темной ночью по большой дороге. Из компании мы стали шайкой. И хоть предварительно поклялись друг другу не проливать лишней крови и не чинить насилия без нужды, но все вы знаете цену подобным клятвам.

Вот так, сеньоры и сеньориты, и такое было со мной! Не буду скрывать грехов, которые перед Господом все равно видны как плевков на лысине ростовщика!

Все это, разумеется, могло бы кончиться очень плачевно. Вопреки пророчествам доброй матушки, сдохнуть бы мне не в канаве, а, наоборот, на самом высоком и видном месте – сплестись отходную в петле Однорукой Девы, как называли тогда крепкую деревянную виселицу. Лишь природная рассудительность, что досталась мне вместе матушкиной кровью, в один прекрасный момент заставила опомниться и понять пагубу выбранного пути.

Тут как раз затеялась очередная война. С благословения Папы и под покровительством Святой Матери-церкви, в городах-сеньорах начали набирать войско, чтобы выступить против крестьянского ополчения «апостольских братьев»...

Я полагаю, вы еще помните ту зловредную ересь, которую проповедовал их вожак Герардо Сагарелли и его приближенные? Конечно, помните! Эти несчастные вдруг решили, что божий мир устроен несправедливо, что богатые становятся все богаче, а бедные – все беднее. А папская церковь, погрязнув в роскоши, винопитии и содомском грехе, уже не может толковать волю Господа, ибо уходит от него все дальше. В противоположную сторону, понятно, к кому, да не будь он помянут в преддверии ночи... И, значит, именно на них, «апостоликов», возложена богоугодная задача вернуть честной люд к правилам жизни, истинно завещанным Иисусом Христом и его апостолами. Мол, Папа Римский должен быть смещен, все монашеские ордена распущены, церковная иерархия уничтожена, и тогда на земле воссияет истинная вера.

Напомню, что к тому времени сам Герардо Сагарелли уже томился в папской темнице, а у «апостоликов» появился новый лидер, молодой священник Дольчино. Его слушали, к нему шли, ему верили, и, в конце концов, в долине реки Сессии собралось немало крестьянское войско.

Во всех этих событиях я усмотрел для себя и своих приятелей шанс покинуть Флоренцию не в повозке тюремных могильщиков, а с гордым видом и открытым лицом. Святая Церковь, ко всему прочему, обещала своим рекрутам полное отпущение грехов и снятие любой прежней вины. А под нами, к тому времени, земля становилась уже горячей, власти Флоренции всерьез занялись поисками удачливой шайки. Так что мне не составило труда убедить своих компаньонов по ночным приключениям, что война дает не меньше шансов к легкой наживе, чем наши воровские занятия. А грабить и разорять под покровительством церкви и реющими знаменами куда почетнее, чем под проклятия добропорядочных обывателей и без знамен.

Так я стал солдатом. Командиром отряда наемных ратников, основу которого составила наша шайка. Мои ребята гордо нарекли меня Капитаном, Святая Церковь не поскупилась на отпущение грехов и обещания небесного блаженства, и мы отправились на войну.

Не буду ее описывать. Пусть сорок чертей застрянут у меня в глотке – все войны похожи одна на другую. Сейчас мне, старому ветерану, часто приходит в голову, что в войнах вообще не бывает победителей и побежденных. Потому что ни победители, ни побежденные не получают, в сущности ничего. Пепел былых надежд, да нескольких строк в монастырских летописях, да очередной мирный договор, который нарушат сразу же после подписания – вот и весь результат.

Я, капитан Умберто Скорцетти, воевавший на суше и на море, в горах и в долинах, знаю, что говорю...

Не ухмыляйся, не ухмыляйся, Альфонсо! Если ты полагаешь, что сможешь изобразить на свой сальной роже нечто более идиотское, чем уже сотворили твои родители, то, клянусь невинностью Пресвятой Богородицы, ты глубоко заблуждаешься! Они, конечно, были уважаемыми и трудолюбивыми людьми, твой отец с матерью, но при твоём зачатии явно не постарались. Полагаю, что твоя почтенная родительница уронила над колыбелью ни одну слезу, предчувствуя незавидную участь сына. Скажу не таясь, если ты еще не кончил в петле Одноногой Девы, мальчик Альфонсо, то произошло это лишь потому, что палач уже наострил топор для твоей жирной шеи... А теперь представьте себе, сеньоры и сеньориты, что предки этого чучела, этого скорпиона в образе человеческого, были гордыми римлянами. Теми, кто владел половиной мира, а другой половину держал в страхе перед железной поступью своих легионов. И кто мне докажет после такого зрелища, что все земные победы и завоевания хоть что-то стоят?

Впрочем, ладно... Мне ли, солдату и ветерану, всю жизнь дышавшему дымом войны и кормившемуся милостью меча и кольчуги, жаловаться на то, что в Италии слишком много воюют?

После разгрома крестьянских войск я, со своим отрядом, подался на службу в город-сеньор Венецию. Потом был Милан, Тоскана, а потом уж я и счет потерял городам и войнам. Служил за жалование и за добычу тому, кто наймет. Вперед не рвался, но за спинами солдат не прятался, берег своих людей и не жалел чужой крови. Я был хорошим командиром, вы знаете. Друзья любили меня, а враги уважали...

Ну да, понимаю ваше нетерпеливое ерзанье. Я вроде бы обещал рассказать подлинную историю великой любви, а в результате потчую вас событиями из собственного прошлого. Еще минуту терпения, уважаемые, я уже почти подошел к веронским событиям. А что до своих воспоминаний, то, каюсь, старику всегда приятно очередной раз улыбнуться приключениям молодости. Кроме того, именно моя бурная жизнь и немалый опыт на поле брани и на постели, и привели к тому, что Ромео Монтекки избрал меня своим старшим другом и главным советчиком. Влюбленный юноша – это ведь как треснувший кувшин. Из трещины в кувшине не может не вылиться молоко, а из влюбленного – пространные рассказы о превосходстве своей избранницы над простыми смертными.

Итак, приступаю к рассказу о тех событиях. В сущности, я уже приступил, вы это дальше поймете...

* * *

Как вы знаете, все произошло в городе-сеньоре Вероне в 1302 году.

Это было спокойное время. Если спокойные времена вообще бывают в Италии, где независимые города гордо именуют себя «сеньорами» и ссорятся так же злобно и нескончаемо, как кумушки, готовящие обед за одним столом. Такое впечатление, что если какой из городов не вырвет у соседа кусок территории, то в этот год и вино там скиснет, и зерно заплесневеет. А на весь этот богатый, сильно слоеный пирог, называемый Центральной и Северной Италией, точат зубы германские императоры и наш глубокоуважаемый Папа.

Да, спокойный год, как сейчас помню... Годом раньше «черные» гвельфы взяли во Флоренции верх над «белыми» гвельфами, заставив бежать в изгнание моих добрых друзей Данте Алигьери, Джованни Боккаччо равно как многих других. Примерно тогда же теоретика и вдохновителя «апостоликов» Герардо Сегарелли сожгли, милостью Божьей, на костре, и крестьянские волнения тоже поуспокоились на время. Так что я, со своим отрядом, остался к 1302 году вроде как не у дел. Тосканские отцы города, где мы подвизались до этого, вдруг решили, что

в городе и без нас хватает головорезов, в чем, собственно, не ошибались. А тут мне как раз поступило предложение от веронского герцога Барталамео I Делла Скала.

Предложение не слишком завидное – светлейший герцог нанимал нас на службу в качестве городской стражи. Охранять стены, патрулировать улицы по ночам, разбираться с любителями взламывать замки и отрезать кошельки – служба не слишком-то почетная и не так уж хорошо оплачиваемая. Но выбирать было не из чего, а герцог, к тому же, намекнул, что намерен

крепко потеснить чванливый магистрат города. И, следовательно, для крепких парней при оружии и броне в Вероне скоро найдется работа поинтереснее, нужно лишь подождать немного.

Все это я изложил на совете отряда, мы подумали, поговорили, согласились принести присягу роду Делла Скала.

Нет, я-то сразу понял, что Его Сиятельство герцог Барталамео как раз из тех щучек, которым пальца в рот не клади. Не сомневаюсь, о нем не надо долго рассказывать, все помнят деяния этого благородного мужа, как и его прославленного брата Конгранде I, который правил после него и завоевал почти половину Ломбардии.

Под началом младшего брата я тоже впоследствии имел честь послужить. Славное времечко, когда солдатские жизни шли по цене золотых цехинов...

Но я снова отвлекся, извините... В начале правления Барталамео I веронцы о завоеваниях еще не помышляли. С запада бряцал оружием Милан, с востока коварно улыбалась Венецианская республика, и сеньору-городу, как говорится, дал бы Бог усидеть на своем сундуке, где уж тут зариться на соседские. В самой Вероне тоже было напряженно. Обычная для городов-сеньоров вражда гвельфов и гибеллинов, то есть, сторонников объединения Италии под властью Папы и приверженцев германского императора, проявлялась здесь в полной мере.

Сам герцог Барталамео Делла Скала, как большинство аристократов, был из гибеллинов. А большую часть мест в городском правлении занимали гвельфы. Таким образом, в городе получалось нечто вроде двоевластия, неустойчивое равновесие, что не устраивает ни одну из сторон. Его Светлость со своими сторонниками стремились вырвать как можно большую власть у толстосумов из магистрата. А те, в свою очередь, мечтали ограничить власть герцога, обсуждая каждый его указ так же дотошно, как кардиналы кандидатуру нового Папы.

И вот накануне 1302 года мои солдаты размещаются в казармах городской крепости, нанятые самим герцогом.

Понятно, что многие из магистрата остались этим недовольны. Те же Капулетти, Дезаре и Бентаруччо, убежденные гвельфы, косились на моих солдат как черти на святую воду. Хотя, благоразумно держали свое недовольство при себе. Другие, как например, Монтекки, Скоричелли и прочие, наоборот, приветствовали нас горячо и радостно. Эти преданные сторонники герцога, убежденные гибеллины, прекрасно понимали, каким крупным козырем может стать мой отряд в борьбе Его Сиятельства против городских гвельфов...

Что? Ты спрашиваешь, Альфонсо, где тут история двух влюбленных? Дурень, я ведь ее и рассказываю! Или ты думаешь, что вражда Монтекки и Капулетти возникла из ничего, как новый прыщ у тебя на роже? Или что в ее основе лежала какая-то старая кровь, как начали думать позднее?

Пусть сорок чертей застрянут у меня в глотке – чепуха все это, сентиментальная чепуха! Нет такой крови, от которой при их богатствах нельзя было бы откупиться. Вот политика – дело другое. За нее у нас в Италии отдают все – честь, состояние, голову и даже душу, прости меня Господи...

Странное это занятие – политика. Такое впечатление, люди играют в игры и настолько заигрываются, что перестают понимать все правила. А чья рука вертит тот стаканчик с костями? Ох, скажу я вам, нехорошая это рука – мохнатая, когтистая... Понятно, чья!

* * *

Наша служба в Вероне, в общем-то, была легкой. Стоять на стенах, собирать пошлину с приезжающих, разбираться с любителями взламывать замки или срезать с пояса кошель – это не сражения с «апостоликами», которые сначала всадят тебе вилы в брюхо по рукоятку, а потом перекрестят и расскажут про всеобщую любовь вкупе с мировым братством. Или, скажем, стоять и ждать, когда лавина германских рейтеров движется на тебя, постепенно переводя

коней с шага в галоп. Конница лязгает железом, сверкает жалами копий, а ты топчешься в строю, орешь во всю глотку «Щиты сомкнуть, пики вперед!» и сам не понимаешь, наложил ты в штаны или еще нет...

Уж куда проще пройти по базарным рядам с гордым видом, прихватывая нечистый на руку люд.

Зная по опыту собственного разгульного прошлого все повадки ночных бродяг, я быстро приструнил самых буйных и необузданных. С Воровской гильдией, этим бичом всех вольных городов той поры, мне тоже удалось найти общий язык. Договорились мы как положено – воры и грабители не могут не воровать, это их ремесло, их хлеб насущный, но чтоб без убийств, резни и насилия над женским полом. Этого я, новый командир городской стражи, не потерплю. И чтоб всякий хозяин мог вернуть награбленное, выплатив за него десятую долю стоимости... Думаете, много? А вот, например, в Милане той поры сумма выкупа доходила до пятой доли, Венеции – вообще до четверти. Ничего не поделаешь, такие были времена, что членство в Воровской гильдии считалось не менее достойным занятием, чем суконное или торговля зерном.

Но я твердо сказал господам ворах – десятая часть, не больше! А иначе все мои четыре сотни солдат сорвутся с цепи прямо на улицах! И вот тогда мы посмотрим – так ли уж хороши кривые воровские ножи в руках против мечей и кольчуг ветеранов! Ставлю свою вечную душу против скорлупы от ореха, ночные работнички может и хороши по ночам, но днем окажутся жидковаты против тех, кто сжигал города и пускал под меч целые села!

Так я им и сказал, с присущим мне христианским смирением и терпением к слабостям ближнего. Всегда можно договориться, если вооружиться этими качествами, завещанными нам самим Спасителем. Так что сеньоры воры, пошушукавшись между собой, даже предложили мне каждый месяц получать некую толику золотых дукатов в знак дружбы и уважения.

Что ж, дружба и уважение – это всегда приятно.

Герцог Барталамео был доволен моими успехами в наведении порядка на улицах. Он, улыбчивый и великодушный как все истинные аристократы крови, был не слишком строг к моим молодцам по части формы одежды и некой вольности поведения. Солдат я не распускал, это понятно, не на войне, но и не наматывал вожжи на локоть. Жизнь солдата – жизнь мотылька, так пусть же, пока есть время, порхает по цветам удовольствий.

Словом, я быстро освоился в Вероне, завел полезные и приятные знакомства и стал вхож в приличное общество. По просьбе родителей и от переизбытка времени я даже начал давать уроки фехтования нескольким юношам из богатых семей. Как было тогда заведено, учил их биться на тяжелых двуручных мечах и на более легких, удобных в ношении шпагах. Конечно, юношей богатых семей с детства учили владеть оружием, кое что эти ребята умели. Но одно дело – городские учителя, а другое – опытный воин, знающий уловки настоящего боя.

К слову сказать, те, прежние шпаги были куда более тяжелым и грозным оружием, нежели нынешние. Или было удобно не только колоть, но и рубить, и резать. Да, современные тонкие клинки и облегченный эфес дают руке больше гибкости, позволяя красивее выполнять фехтовальные пируэты на потеху дамам. Но пусть сорок чертей застрянут у меня в глотке, когда в бою на вас прет конный воин, закованный от бровей до щиколоток в добротную миланскую или бордосскую статью, хочется иметь в руке что-нибудь потяжелее зубочистки.

Или вот взять последнее новомодное изобретение – рапиру. Скажите мне, что это за оружие, которым можно только колоть? Похоть сатанинская, сладострастие закоренелого еретика – вот что такое эта ваша рапира!

Ладно, не буду брюзжать, вам, наверное, тема клинков не так интересна, как мне, ветерану...

Именно на уроках фехтования я близко познакомился со всей компанией местной золотой молодежи. Ромео, сын и наследник Монтекки, Бенволио – его двоюродный брат, Меркуцио – двоюродный племянник самого герцога Делла Скала... Да, я всех их знал хорошо.

Скажу не таясь, компания была довольно беспутная. Мальчишки, которым с детства дали так много, что они уже не знали, чего хотеть. Впрочем, не хуже и не лучше других, не буду

врать, чтоб какие-то особенные. Я сам, помнится, в их годах не являл собой образец добродетели и благопристойности, о чем уже имел честь рассказывать...

Да, меня теперь часто спрашивают – каким был Ромео? Предупреждая тот же вопрос от вас, попробую рассказать.

Юноша шестнадцати лет, рослый, плечистый, ловкий во всяких физических упражнениях. Это я хорошо знаю, сам учил его владеть оружием чести. Способный ученик, клянусь честью рыцаря, любое движение он перенимал так быстро, что я занимался с ним с удовольствием. В зале для тренировок, репетируя блоки, уходы и выпады, мы и подружились.

С лица – миловидный, волосы темные, глаза тоже темные, жгучие, нос большой, клювом, что у мужчины всегда свидетельствует о повышенном интересе к постельным баталиям... Обратите внимание хотя бы на мой нос, сеньоры и сеньориты, он, хоть и перебит когда-то дубиной «апостолика», но остатки характерной выразительности еще сохранил...

Ладно, ладно, продолжаю о нем... Юношеские прыщи Ромео запудривал и, вообще, держал себя в чистоте, омываясь в корыте не реже, чем раз в неделю. Не скупясь, покупал себе дорогие духи, хорошо отбивающие скверный дух, и умел одеваться со вкусом. В науках он не слишком преуспевал, было видно, что стезя стойка и философа не для него. Но к этому он и не стремился. Происходя из рода купцов, он умел хорошо считать, дружил с цифирью, и то ладно.

Помню, по молодости и горячности он завидовал моей опытности. Говорил о том, что больше мечтает о славе на поле боя, чем об умножении родовых богатств. Хотя, это многие говорят, в его годы блеск стали кажется большинству ярче и интереснее, чем перезвон флоринов и дукатов. Думаю, эта блажь у него прошла бы с годами. Если б не любовь, он, в конце концов, возглавил бы Дом Монтекки и повел бы дело не хуже других...

Что еще? Влюбчив он был, это точно... Сам мне рассказывал, не достигну десяти лет уже влюбился в кухарку, краснолицую и массивную, как саркофаг епископа. И даже молодым петушком попытался овладеть ей на кухне, только запутался в складках одежды и убежал от ее громового хохота. С тех пор всегда в кого-то влюблялся, но это уж такая натура. Что еще... Как многие юноши из приличных семей, Ромео удовлетворил первые желания в тавернах с продажными девицами, и с тех пор частенько туда захаживал, утешаясь в очередном любовном томлении.

Вот и все, пожалуй, что могу о нем рассказать... Обычный, в сущности, юноша, цветение молодости которого еще затмевает недостаток талантов и ярких душевных качеств.

Теперь о других.

Бенволио... Этот помельче, но и похитрей будет. Не такой богатый, как наш наследник родовых богатств, он всегда оставался на вторых ролях. Проказничал вроде как со всей компанией, когда дело приближалось к расплате, умел оставаться в тени. Заводилами выходили Ромео или Меркуцио, они и отдувались за всех. В общем, рассудительный малый. И осторожный.

Не могу не поделиться, было у меня на его счет определенное подозрение. Уж какой-то он был весь мягкий, жеманный, аккуратный до женственности... Сдается мне, что этот малый предпочитал мужчин женщинам в том самом смысле, который Святая Церковь именует содомским грехом. Ходили по городу кое-какие слухи... Видели его в одном интересном заведении, где старый Энрико Бальдоцци, бывший матрос, предоставлял господам услуги молодых мальчиков. Из моряков многие склонны к содомии, вы же знаете, женщин на кораблях не бывает. Впрочем, Бенволио мог оказаться там и просто так, из любопытства. Хотя, видели не один раз... Из любопытства? Не знаю, не знаю...

С друзьями, надо отдать ему должное, Бенволио был другом, не больше. Склонностей своих не выказывал, и границ, дозволенных мужской дружбой, не переходил. Понимал, что ему, небогатому родственнику, не стоит портить отношения с будущим главой Дома Монтекки. Тогда, в старину, не то, что сейчас, во времена общего падения нравов, когда сами святые отцы

Церкви, не стесняясь, заводят себе гаремы из мальчиков. Содомский грех тогда еще не переиначили в возвращение к прямодушным отношениям древних римлян, словно наши предки не совершили ничего более героического, чем заглядывание друг другу в «коричневый глаз». Тогда, во времена моей молодости, грех еще был грехом. И это правильно, это по-божески, я считаю. И мужчины были мужчинами, а не такими тряпками, как сейчас!

Ладно, не стану сетовать на убежавшее молоко. Иногда, сеньоры и сеньориты, мне представляются благом собственные года и немощи. По крайней мере, это свидетельство, что жить осталось не долго, и я не увижу той зловонной ямы, в которую превратится наш мир, презревший Божий Закон и стремящийся к краю пропасти без руля, без ветрил...

Итак, Меркуцио...

Честно сказать, этот парень нравился мне больше всех. Двоюродный племянник герцога Барталамео, несущий в себе кровь древних Делла Скала, он совсем не кичился своим положением. Полноватый, несколько неуклюжий, он, тем не менее, обладал крепостью и выносливостью членов, достойной хорошего бойца. Веселый, легкий в общении, преданный друзьям без корысти... А уж языком работал, что златокузнец своим тонкими молоточками. Очень был остер на язык. И остроумен при этом, а не злобен, как многие, что мнят себя острословами. С ним было интересно сесть за чарой вина и просто поговорить обо всем подряд.

В общем, хороший парень. Из наших, из настоящих аристократов. Мог бы далеко пойти при блестящим дворе Делла Скала...

Глава 2

Вот все сейчас думают, что история Ромео и Джульетты началась со ссоры слуг на базарной площади. И некие господа сочинители, уж простите, не помню фамилий, поддерживают в этом убеждении уважаемую публику. А по-настоящему все началось еще раньше.

Словом, жила в Вероне одна сеньора по имени Розалина. К моменту моего появления в городе она вдовствовала уже второй год, и это состояние порядком ей надоело. А уж красива была... Истинная красота северной Италии – золотистые локоны, вишнево-бархатные глаза, лицо смуглое, тонкое, гибкий как ива стан. А ножки, маленькие, как у ребенка! А пальчики столь изящные, что перед ними склоняются ниц резцы мастеров античности!..

Я как увидел ее первый раз, легкой походкой входящей под своды церкви Пресвятой Девы – изменился в лице! И побежал искать, кто бы меня ей представил.

За этим дело не стало, и вечером я уже смотрел в глаза красавицы и говорил комплименты изящным ручкам...

Вот сейчас все нахваливают красоту малышки Джульетты... Не спорю, ее светлые волосы и открытое, доверчивое лицо с сияющими глазами, действительно, были привлекательны. Но ее красота против моей Розалины – равно как распускающийся цветок против вызревшего плода, сочащегося медовой сладостью. Что Джульетту до сих пор помнят, а Розалину забыли, мне кажется вопиющей несправедливостью лукавого Хроноса. Пусть не мне, грешному, критиковать Творца, но божий мир все-таки устроен как-то не так...

В городе вдова слыла неприступной. Вы знаете, подобное поведение редко отличает молодых вдов. Конечно, что им терять? В своем городе их замуж никто не возьмет, а шансы встретить какого-нибудь заезжего молодца, да взаимно влюбиться, да начать новую жизнь где-нибудь в другом месте, куда не достигают пересуды соседей... Словом, вы понимаете. Мы сами, синьоры, отдаем наших молоденьких дочерей за богатых старцев, сами не разрешаем им вторично выходить замуж, что ж мы потом удивляемся распутству вдов?

На самом деле Розалина не была такой уж недотрогой. Она любила кокетничать, я сразу заметил. Просто делала это очень искусно. Вроде бы с виду осаживала и охлаждала, а на деле – только разжигала страсть. Никто не мог ее упрекнуть в легкомыслии или в вольности поведения, но, тем не менее, все, у кого хоть что-то шевелилось под тугими кальцоне, вились вокруг

ее дома как осы вокруг медовой лепешки. Вдова же, играя со многими, оставалась недоступна городским ловеласам, как бесу праведная душа.

Прошу, заткните ушки, прекрасные сеньориты, следующие мои слова предназначены мужественному полу... Поделюсь опытом. Есть такие женские натуры, что любят играть даже больше, чем даже выигрывать. Подцепив вас на крючок, они будут водить рыбку вокруг да около, не отпуская и не приближая. И все это может длиться так долго, что им самим в результате наскучит игра и вы тоже.

Против подобных синьор есть лишь одна тактика – лихой кавалерийский наскок. Лобовой штурм, невзирая на потери и раны! А что, любовь – тоже война. Мне представляется, мой добрый друг Джованни Боккаччо очень убедительно доказал это в своем бессмертном Декамероне.

Да, признаюсь вам откровенно, моя компания за любовь Розалины была посерьезнее многих знаменитых сражений самого императора Фридриха Барбароссы. Наскок наскоком, синьоры, но надо же понимать – где, когда, как.

Решив овладеть Розалиной так же твердо, как венецианцы – торговыми путями в Грецию и Аравию, я начал осаду крепости. И после первых, якобы, успехов в виде лукавых улыбок и многообещающих взглядов был смешан с толпой таких же неудачливых соискателей. Тогда я решил сменить тактику. Не вздыхать, а смешить! Развлекать красавицу всеми путями, не боясь выглядеть при этом забавным и неуклюжим – вот какую я поставил себе задачу.

Преуспел. Месяца через три стал чем-то вроде друга, с которым не страшно остаться наедине. И в один из таких моментов я приступил к действиям. Замкнул красавицу в железное кольцо объятий.

Она сопротивлялась, конечно. Била меня по лицу, по плечам, по рукам, несколько раз укусила и даже плевалась. Хотя, обратил я внимание, делала это достаточно тихо, чтоб на шум не прибежали домашние слуги. То есть крепость, внешне демонстрируя верность присяге и знамени, в глубине души не против капитуляции. Уловив это, я усилил натиск, и ей оставалось лишь жалобно вздохнуть, ласково назвать меня негодяем, и спустить как флаг кружевное полотно нижней рубашки.

Тут я с удовольствием убедился, что за время одиночества под ее черными, вдовьими покрывалами скопилось столько же сиропы любви, сколько и огня настоящей страсти. Ее тело, к моему восхищению, сохранило всю гибкую стройность девичества, а губы и смородиновые соски груди умели переходить в контратаку так яростно, как рота отборных папских гвардейцев.

Теперь, пожалуй, она наступала, заставляя меня обороняться тем единственным копьём, которым Господь Бог снабдил нас для таких случаев...

О, эта победа стоила усилий тактики и стратегии!..

* * *

Мы стали близки с Розалиной. Втайне, разумеется, положенные три года для ношения траура еще не истекли для нее.

Она, правда, была уже не молода, как раз в феврале ей минуло двадцать пять лет, ну так и я был уже не мальчик. Мне к тому времени перевалило за тридцать, а в большинстве христианских стран считается уже предверием старости. Хотя, я-то не чувствовал себя стариком и до знакомства с ней, а после – словно еще помолодел. В общем, окончательно потерял голову, пробираясь к ней по ночам украдкой, как кот в коптильню для рыбы. Настолько потерял, что начал всерьез подумывать о женитьбе...

Пусть сорок чертей застрянут у меня в глотке, когда женщина любит, от нее так же не приходится ждать рассудительности и здравомыслия, как моральных принципов на собрании

ломбардских банкиров. Это известно. Но моя Розалина была исключительной дамой. Исключительно хитрой и умной, я имею ввиду.

Да, вдовый траур не позволял ей думать о замужестве. И так же она не могла допустить, чтоб в городе узнали о нашей связи. Родственники мужа, народ недобрый и алчный, сразу бы затеяли против нее судебную тяжбу о безнравственном поведении, в результате чего оттяпали бы изрядную часть мужнего наследства.

– Пусть язва вскочит у меня на седлассе, дорогой Умберто, – сказала она напрямик, – но даже твои пушистые усы, и тот нижний, главный ус наслаждения, вряд ли стоят столько золотых дукатов, сколько оторвут у меня эти живоглоты! Не сочти, пожалуйста, это за обиду, мой милый, и пойми правильно...

Она умела иногда сказать, моя Розалина! Ничуть не менее доходчиво, чем старый взводный сержант. Что меня в ней всегда восхищало – удивительные переходы от милой женской покорности к практичной твердости и. В наших прекрасных дамах – да, да, синьоры и синьорины, в вашу сторону камешек! – вообще гораздо больше жизненной цепкости, чем рассказывают нам авторы рыцарских романов. Я неоднократно имел случаи убедиться, что во многих жизненных ситуациях женщины предусмотрительнее и дальновиднее мужчин, хотя всегда считалось наоборот...

Но и расставаться со мной Розалина уже не хотела. Откровенно призналась мне, что первый раз в жизни испытала настоящий восторг от сплетения тел и горячего любовного пота. Четырнадцать с половиной лет она вышла замуж за человека старше ее сорока годами. А тот так и не сумел доказать ей, что постель с мужчиной не обязательно бывает пресной как еврейская маца.

И вот однажды, лежа у меня на груди в тиши вдовой спальни и будоража мое естество острыми сосками, она изложила мне такой план. Отныне, дабы не возбудить подозрений в правильном направлении, она, Розалина, будет напропалую кокетничать с кем-нибудь из веронских юнцов... Хотя бы, с тем же молодым Ромео Монтеки, известным в городе своей влюбчивостью. Высмотрев дым, родня мужа кинется искать огонь там же и не увидит настоящий пожар в другой стороне. А Ромео...

Мальчикам, в конце концов, полезно потомиться в юности, чтоб, повзрослев, полнее ощутить сладость мужских побед. Не так ли, мой капитан?

Я пробормотал, что отцы-иезуиты, не принимающие в свой орден женщин, делают большую ошибку!

Помню, сначала я взревновал. Грешным делом подумал – уж не вошла ли моя Розалина в такой постельный азарт, что хочет вместо капитана наемников попробовать юного наследника богатого торгового дома? Но она сумела убедить меня, что так будет лучше и безопаснее. Тем исконным женским способом, когда слова не нужны.

Умиротворенный нашей любовной игрой, я согласился.

Конечно, прекрасной Розалине не составило труда разжечь пыл юного Ромео. Несколько улыбок, десяток многозначительных взглядов, легкое пожатие ручек, изящный башмачок, невзначай выставленный из-под юбки... Этот арсенал кокетства стар, как мир, но все так же хорош, как тяжелая секира против легкого панциря.

Ромео влюбился. И воспылал. И даже выбрал своим исповедником не кого-нибудь, а меня. Подробно и досконально описывал мне несравненные достоинства госпожи Розалины. Которые были бы еще несравненнее, если бы не охранялись столь неприступно.

Я горячо сочувствовал, украдкой улыбался в усы, и поддерживал его в том, что искренняя печаль и протяжные вздохи рано или поздно растопят лед в сердце любой красавицы. О своей тактике наскока я, естественно, ни полслова, все-таки червячок ревности шевелился...

Словом, наш отвлекающий маневр удался! Мы с Розалиной, конечно, тогда не могли представить, во что это выльется. Что молодой Ромео, страдая от неразделенной любви и присущей ей меланхолии, пустится в череду безобразий, одно из которых приведет его прямоком в хрупкие ручки Джульетты Капулетти...

А как вы думаете? Ведь если бы эти молодые гибеллины, сочувствуя влюбленному Ромео, несколько дней подряд не наливались вином до полного изумления, им вряд ли пришла бы голову пробраться, скрывшись под масками, на бал гвельфов. А не окажись они на этом балу, Ромео не встретил бы свою Джульетту.

И то сказать, где еще они могли повстречаться?

В кабаки с непотребными девками, где эта троица, Ромео, Меркуцио и Бенволио, обычно коротала досуг, девочка Джульетта понятно не хаживала.

В церкви?

Не забывайте, что гибеллины Монтекки и гвельфы Капулетти ходили в разные церкви. Приверженцы этих двух партий в Вероне, как и во всей Италии, старались не собираться под одной крышей, пусть даже эта крыша Господнего Дома. Вот и получается, что наша с Розалиной страсть породила другую любовь, названную потом Великой...

Но, по порядку, сеньоры, пусть каждый идет в свою очередь! – как приговаривал сатана, открывая ворота ада перед коллоквиумом епископов...

* * *

То памятное утро началось для меня с двух болванов. Нет, я не об этих лодырях, Самсоне и Грегорио, слугах семьи Капулетти, о них пойдет речь чуть позднее. Просто накануне вечером в Верону прибыли два подозрительных типа, назвавшимися представителями торгового дома Фиески.

Я знал этот прославленный венецианский род, ведущий дела с половиной мира. О нем нельзя не знать, если живешь в Италии.

Но! Назваться-то они назвались...

С одной стороны, не верить им не было никаких видимых причин. Налицо верительные грамоты со всеми печатями, да и одеты они были так, как подобает именитым купцам: широкие плащи тобарро дорогого сукна, парчовые кафтаны котарди с серебряными застежками на груди, узкие, двухцветные кальсоне в обтяжку, на головах – высокие беретто с модными складками. Под кафтанами видно дорогое кружево нижних рубах, на расшитых поясах подвешены увесистые кошельки.

И все-таки что-то в этой парочке показалось мне подозрительным. Слишком уж ежились они под моим взглядом, как-то неестественно оживленно поглядывали вокруг. Да и дорогая одежда им словно бы непривычна, вроде как с чужого плеча. А морды!.. У этих, с позволения сказать, купцов, трехлетний малыш не взял из рук кусочек редкого восточного лакомства – сахара.

И чем больше я к ним приглядывался, тем тверже укреплялся в подозрении, что настоящие представители дома Фиески, разутые и раздетые, закопаны где-то на горной дороге или же лежат в речной тине под слоем воды. А вот эти молодцы вряд ли способны продать стакан ключевой воды в жаркий полдень. Рыбак рыбака чует издали, говорили на моей родине. Я же когда-то провел немало времени, общаясь с таким... Не купцами, нет, далеко не купцами.

Но я не стал торопиться с выводами. Кто не знает, как ссориться с мстительными и заносчивыми венецианцами? Обидчивые господа из города на воде, известно, способны из любой мухи раздуть скандал величиной с быка. Поэтому я не стал донимать медовую парочку каверзными вопросами, а взял с них причитающуюся пошлину и разрешил пребывание в Вероне. Но при этом приказал кое-кому незаметно проследить за ними.

И мои подозрения полностью оправдались! Перед рассветом, в час волка, стража прихватила обоих гостей на тихой улочке, когда эти двое пытались вскрыть хитроумный замок работы миланских оружейников, что запирает черную калитку в заборе виллы дель Касто, принадлежащей именитой семье Джезаре. Одной из их вилл, которую, по слухам, Джезаре-старший использовал для утех плоти и тайных встреч.

Молодцы, видимо, соблазнились ее безлюдностью и укромным расположением.

Нет, но нужно же быть настолько болванами, чтоб так попасться! Или они всерьез решили, что я принял за чистую монету их лепет по поводу торговли Фиески? Я, благородные

слушатели, с уверенностью могу заявить, что большинство преступников люди недалекие и ограниченные.

Что далеко ходить за примерами – когда бестия Альфонсо стащит из кладовой кусок солонины или кувшин молодого вина, то может клясться хоть всеми святыми, пророками и мучениками, но это всегда заметно по его сальным губам и звучной отрыжке... Как говорят, птица видна по полету, и видна она издалека. И уж коль они, преступники, вдруг поднимают головы и начинают чувствовать себя безнаказанно, как часто случается у нас в Италии, то это свидетельствует лишь о попустительстве властей, а не об их личных достоинствах.

Я, старый гибеллин, всегда стоял за крепкую руку во главе государства, и, видит Бог, за долгую жизнь ничто не убедило меня в обратном!

Итак, два ножа, потаенный фонарь и набор закаленных отмычек – это то, что у них отобрали. Достаточное свидетельство, чтоб не терять время на лишние выяснения. К Воровской гильдии эти двое не принадлежали, это я тоже выяснил к тому времени. Мне оставалось лишь попытаться, где они напали на настоящих купцов и куда дели трупы.

Венецианцы, вы знаете, щепетильны в вопросах того, что происходит с их гражданами в других землях. Когда дойдет дело до выяснения деталей – лучше иметь на руках все ответы и живых злодеев в придачу. Впрочем, при этом они отнюдь не будут настаивать, чтоб у разбойничков сохранилось первоначальное количество зубов или, к примеру, глаз и ушей. В сущности, из всего оснащения лица злодеям вполне достаточно иметь одно ухо, которым те выслушают приговор.

Все это я подробно объяснил сладкой парочке, охаживая их по мордасам латной перчаткой.

Вы же знает, я умею быть убедительным. И, после непродолжительной беседы, мои злодеи были готовы начать исповедоваться так же бойко, как монах-фраисканец наваливается на окорок в постный день.

* * *

В тот раз мне так и не довелось выслушать их разбойную исповедь. Как только один из них начал рассказывать что-то внятное, в помещение стражи вбежал молодой солдатик Унья Пикерелли. Такой же был лентяй и бездельник, как наш Альфонсо, разве что бегал куда быстрее.

Хрипя и задыхаясь от торопливости и вытаращив глаза от усердия, Пикерелли сообщил мне, что в городе начинается бунт. Мол, отряд гвельфов под предводительством Капулетти сцепился на площади Блаженных Мученников Патрикия и Варсонофия с гиббеллинами из дома Монтеки. И теперь там льется кровь, и блестят клинки. А тем временем «тощие» горожане вооружаются дубьем и чем попадая, и во что это выльется, знает только Всевышний...

Это было уже серьезно! Если к делу подключаются «тощие»...

Ну да, пока аристократы, священники, банкиры, купцы, мастера ремесел и прочая зажиточная публика делили себя на гвельфов и гиббеллинов, нищий, простой люд Италии придумал свое деление – на «тощих» и «жирных». И в то время в Вероне как раз скопилось много всякого «тощего» народа – разорившиеся ремесленники, крестьяне-издольщики, выгнанные с земли, наемники, отставленные за увечья и просто бродяги и нищие всех мастей.

Этим – плевать на политические идеи! Эти встанут под чьи угодно знамена, лишь бы грабить и убивать «жирных», насиловать их жен и дочерей! Поджечь копну сена – достаточно маленького огонька на ладони, но попробуйте потушить ее ковшом воды... Уж я-то за свою службу не раз видел, что такое толпа, почувствовавшая вкус крови! В любом человеке, даже самом отъявленном, может проснуться жалость и сострадание, в толпе же эти чувства напрочь отсутствуют. Бог – свидетель, не знаю, почему так.

Словом, я немедленно отправил посыльного оповестить Его Сиятельство герцога Бартамео, а сам собрал всех солдат, что нашел и поспешил с отрядом на площадь Блаженных Мучеников...

* * *

Потом, выясняя подробности свары на площади, я установил, что вся эта густая похлебка заварилась из-за двух слуг Капулетти – Самсона и Грегорио.

Накануне вечером они вдвоем по недосмотру ключаря умыкнули из винных погребов смоленый бочонок с густым и тягучим греческим вином. Всю ночь распивали его в зарослях пиний, что на заднем дворе дома Капулетти, сразу за пекарней. А утром, проспавшись там же, начали соображать, как избежать заслуженной порки.

Дело нелегкое, потому что в семье Капулетти не было в обычае закрывать глаза на провинности слуг. В подвалах дома всегда стоял чан с соляным раствором, где, ради большей гибкости и убедительности, вымачивались прутья молодой ивы. За хитромудрую голову чаще всего отвечает честная, глупая задница, уж тебе ли, Альфонсо, не знать этой истины...

В общем, подкрепив силы остатками из бочонка, наши два героя не придумали ничего лучше, чем покрыть себя бранной славой в честь семьи Капулетти. Видимо, в бочонке все-таки оставалось изрядно, хотя точного свидетельства я от них не добился.

Как добыть славу? Очень просто, оказывается. Не долго думая, два героя стащили из старой оружейной приржавевшие мечи и порубленные щиты прошлого века, и с этой снастью устремились в поход. Грегорио, к тому же, увенчал себя шишаком латника, который был ему сильно велик и постоянно стучал ободом по носу.

Короче говоря, наши brave воины отправились на площадь Блаженных Мучеников Патрикия и Варсанофия и утвердились там так же гордо, как два репейника возле выгребной ямы. Стучали там мечами о щиты и, вообще, всячески хулиганили языком и телом. Может, винная усталость и яркое солнце угомонили бы буянов в скором времени, но тут, на беду, мимо проходили двое слуг Монтекки, Абрам и Бальтазар.

Грегорио тут же скорчил в их сторону злобную рожу, тем более искреннюю, что шишак в очередной раз взбрыкнул на голове и крепко долбанул его по носу. А Самсон начал грызть ноготь с таким остервенением, будто намерен изглодать палец до основания. Страх, по моим наблюдениям, часто дает обратное действие, и даже отпетые трусы начинают демонстрировать зачатки воинственности.

Следствием это не установлено, но я сильно подозреваю, что Абрам и Бальтазар тоже были навеселе. Иначе, с какого рожна они бы устремились в ссору, как жених к молодой невесте? Между слугами завязалась словесная перепалка, на которые мы, итальянцы, великие мастера:

– А не на наш ли счет вы грызете ноготь, господин Самсон?!

– А грызу ноготь, и все тут!

– Вы набиваетесь на драку, господа?

– Забери меня нечистый, если не набиваются!..

– Да обними меня чума, грызу ноготь не на ваш счет! А просто грызу ноготь, и буду грызть! И никто мне здесь не указ!

– Да подавись ты своим ногтем, как черт ладаном, да чтоб ты исхудал от поноса, как пучеглазая камбала!

– А вот грызу, и буду грызть!

– Нет, ты только посмотри, посмотри Бальтазар, – они точно набиваются на добрую взбучку, как падре на исповедь молоденькой поселянки!

– Самсон, Самсон, глянь-ка, они схватились за палки...!

– А я все равно грызу ноготь! – не сдавался бравый Самсон – Я проживаю у господ ничуть не менее знатных, чем эти заносчивые Монтекки, и могу грызть что угодно, и где угодно!..

– Не хуже, господин Самсон?! И вы смеете говорить – не хуже?! И хорошо ли вы думали, уважаемый, ляпнув такую глупость?! И с каких это пор, интересно мне, всякие Капулетти начали ровнять себя со славным и древним родом Монтекки?!..

И так далее, в том же духе. В подобных словесных дуэлях смысла обычно меньше, чем в бормотании в подвалах дома умалишенных, но недостаток разума с лихвой искупается темпераментом.

Разоравшись и распалив себя собственными криками, как вороны над тушей дохлого осла, наша четверка не замедлила приступить к действиям.

О, это было сражение достойное царя и героя Александра Македонянина! Пусть сорок чертей застрянут у меня в глотке, жаль, что я этого не видел!

Рассказывали, в пылу воинственности Самсон взмахнул не только мечом, но и щитом. И тут же уронил его себе на ногу, отчего завизжал как банкир, узревший взломщика перед своей кладовой с золотом. Лихой Грегорио, тем временем, попытался браво выхватить из ножен тяжелый меч, но, опять получив по носу шишаком, от души заехал рукоятью себе же в промежность. Скорчился как бес на причастии, взвыл и запрыгал козлом, во всю глотку проклиная противников.

Хотя, видит Бог, те были совсем не при чем. Абраму и Бальтазару уже хватало своих забот. Потому что Бальтазар, яро размахивая палкой, сбил каменное украшение со стены, которое прилетело в лоб его же соратнику Абраму. Тот сразу же спал с лица и опрокинулся на

спину. Бальтазар же, завопив, что псы Капулетти убили честного Абрама, почему-то не нашел ничего лучшего, чем ткнуть его в азарте все той же палкой.

Клянись четками Папы Бонифация – странный метод лечения раненого! Но, оказалось, действенный. Абрам с камней площади не поднялся, зато голос у него прорезался, а руки и ноги заходили сами собой, как у жука-скарабея, опрокинутого на спину. Кинувшись поднимать его, Бальтазар получил прямо в нос кожаной подошвой, и на древние городские булыжники брызнула первая боевая кровь.

Как сказал один из господ сочинителей – много шума из ничего...

Вся эта свалка, разумеется, не могла не привлечь внимание толпы. Нас, итальянцев, хлебом не корми – дай только зрелищ! «Тощий» люд немедленно начал накапливаться на площади, и в толпе уже начали находиться стихийные проповедники, с ходу призывавшие бить-громить Монтеки, Капулетти и, вообще, всех «жирных» Вероны.

По счастью, мимо проходил Бенволио. Заинтересовался – что же такое творится в славном городе с утра пораньше? К его чести, Бенволио, умному мальчику, не понадобилось много времени понять ситуацию. Лучше многих понимая, в какие волнения может вылиться их нетрезвая выходка, он выхватил шпагу и бросился вразумлять наших героев. Плашмя потчевал клинком всех подряд, без разбора гербов Монтеки и Капулетти, и громогласно обещал так выдрать слуг, чтобы те до нового урожая даже испражнялись вприпрыжку.

На этом бы военные действия и завершились, порой для вразумления толпы достаточно одного решительного человека, но тут на сцене этого балагана возникло еще одно действующее лицо – Тибальт.

О, этот, разумеется, в каждой винной бочке затычка, во всяком сапоге – первый гвоздь! Даже странно, где его до сих пор носила нелегкая, раз на площади Блаженных Мучеников Патрикия и Васонофия разыгралась такая собачья свадьба!..

* * *

Для тех, кто не помнит, я поясню, Тибальт – это племянник жены Капулетти-старшего. Из бедных родственников, что растут приживалами при богатом доме.

Я знаю, Капулетти взял его в дом еще мальчишкой. Тогда в Вероне свирепствовала черная оспа, от которой умерли два его сына и старшая дочь. Тибальт тоже остался сиротой.

В похвалу нашей нации – родная кровь у нас, итальянцев, священна. Поэтому и семьи не хиреют стволом прямого наследования, подпитываясь множественными побегами из боковой родни. Но на древе родового ствола Капулетти Тибальт явно был не самым желанным отростком. Сказалось ли то, что Тибальт получал кров и пищу милостью дяди, чувствуя свое униженное положение в семье, или сыграла роль нехорошая кровь отца, отъявленного бездельника и пропойцы, но малый вырос вздорным и глупым. «Не наша порода!» – неоднократно вздыхал старый Капулетти.

В городе болтали, что глава семьи, оставшись без сыновей, возлагал на племянника большие надежды. Неоднократно пробовал приобщить Тибальта к семейному делу. Результат неизменно оказывался аховым. Складывая мешки с зерном и кувшины с маслом оливок, Тибальт лихо вычитал из них бочки с вином. В результате получалась такая прибыль, что всей семье, получалось, место в долговой яме. Вы же, наверное, помните обычай старины сажать должников в специальные ямы, чтобы каждый мог помочиться сверху на их бесчестные головы, напомнив о долге?..

В результате старик здраво рассудил, что для семейного дела лучше держать Тибальта как можно дальше от всяких дел. А сам Тибальт почему-то решил, что его натура выше грубой торговли. Возомнил себя великим воином, что сквозь победы проложит свой жизненный путь к громкой славе.

Клянусь блаженными мучениями Патрикия и Варсонофия, для поисков славы он выбрал интересные методы! Шастал из кабака в кабак, стучал глиняными кружками по дубовым столешницам, изрыгал проклятия и сверкал глазами, нарываясь на ссоры с веронским гибеллинами. Было понятно, что когда-нибудь он нарвется по-настоящему, но, к счастью, его мало кто принимал всерьез. Буйноволосый, низенький, толстый, с угловатым, некрасивым лицом, он не обладал и половиной качеств, нужной настоящему бойцу. Есть среди нас, итальянцев, такие характеры – шумные, трескучивые, обидчивые и при этом, в общем-то, никакие...

«Ведь не молод уже, далеко за двадцать, а все еще ведет себя как мальчишка! – судачили в городе. – А ведь мог бы, такую бы карьеру мог сделать – закачаешься! Кому как не ему старый Капулетти передал бы семейное дело, если бы в этой кучерявой голове без шеи нашлась хоть капля мозгов!..»

В то утро Тибальт влетел на площадь так быстро, словно пчела только что ужалила его в задницу.

– Ах вот как! Я вижу! Монтеки опять затевают свару! – орал он, размахивая обнаженной шпагой. – Оставь слуг, Бенволио, твоя смерть ждет тебя с другой стороны! За меч, сеньор, и сразись не с сиволапым мужичьем, а с настоящим мужчиной!

Напрасно Бенволио указывал ему, что он лишь разнимает этих бездельников. Тибальт и слышать ничего не хотел, подступая к нему со своей шпагой. Пришлось юноше отбиваться.

Без ума размашистые удары Тибальта – дело не слишком опасное для того, кого я сам обучал тактике выпадов и уходов. Но сам по себе звон клинков – такая музыка, что способна многих завести на пляску с Костлявой Старухой. Народ вокруг опять начал волноваться. Понятно, «тощие» веронцы никогда не любили «жирных», а Монтеки и Капулетти одинаково славились в городе вызывающей, напоказ, роскошью.

Тут, наконец, я подросел со своими солдатами. Древками алебард мои ветераны оттеснили друг от друга дерущихся, и угомонили самых крикливых из публики.

Бенволио, умный мальчик, с готовностью вложил шпагу в ножны. Тибальт же пытался сопротивляться, махал клинком не менее яростно, чем повар размахивает ложкой над главным блюдом парадного обеда. Кричал, мол, пусть у него язва вскочит на срамном месте, пусть его заберет лихоманка, пусть его глаза лопнут от гноя, если он не разделается прямо сейчас хоть с одним из Монтеки.

Да, великий воин Тибальт...

Пришлось мне самому заступить ему дорогу, многозначительно положив на ладонь на эфес меча. И громко пообещать ему язву, лихоманку, лопнувшие глаза и прочие наслаждения в том же духе, как, заодно, и славу третьего мученика на этой площади, если он прямо сейчас не угомонится!

Со мной Тибальту не хотелось сражаться, мое умение владеть оружием в городе было широко известно. Он скис, опустил клинок, и что-то забурчал себе под нос, как бурчит котелок с похлебкой, только что снятый с огня. Словом, когда на площади появились старый Капулетти с женой, инцидент можно было считать исчерпанным. Поэтому его крики: «Где мой меч боевой?!» и все прочее в том же духе, раздавались скорее для виду. Похоже, старик был рад, что обошлось без крови, не считая одного разбитого носа. А ряд солдат, надежно блестящих перед толпой начищенными панцирями и жалами алебард, свидетельствует, что беспорядки этим и ограничатся.

По совести сказать, Капулетти был не таким уж старым, где-то около пятидесяти. Но нам, молодым, он тогда казался совсем дряхлым. Ссутуленная спина, обвислый живот, нос и щеки в винных прожилках, тонкие ноги, пошаркивающая походка – поношенный облик человека, который всегда имел много денег, и не скупился их тратить на собственные удовольствия.

Удовольствия, сеньоры и сеньориты, изнуряют ничуть не меньше тяжелой работы, я имел случай опробовать эту истину на себе...

Глава дома Монтеки, отец Ромео, был в его же годах. Но выглядел пободрее. Или – позадиристее. Они с женой и слугами появились на площади следом. Воистину, весь город вдруг начал сбегаться к Блаженным Мученикам, я даже стал подумывать оцепить улицы.

Надо отметить, главы домов повели себя ничуть не умнее слуг. Сразу затеяли перебранку, перебирая все прошлые грехи и обиды, как монах перебирает четки. Взвизгивающий тенорок Капулетти переплелся с глуховатым басом Монтеки. Им начал вторить Тибальт, дополняя дядюшку подробным рассказом, какие исчадия ада носят проклятую фамилию Монтеки.

Толпа вокруг опять нехорошо оживилась.

Этих почтенных господ я, к сожалению, не мог уговорить ни дубками, ни плетьюми. Оба они числились советниками муниципалитета, и, по своему положению, главенствовали над городской стражей. Честно сказать, я несколько растерялся. Господа лаяться, толпа волнуется, и, того и гляди, снова пойдут в ход клинки и палки. Мои солдаты, оглядываясь на меня, уже намекал, что пора бы развернуть алебарды от тупых концов к острым и приколоть кого-нибудь для порядка... Так что появление герцога Барталамео со свитой, предупрежденного моим посыльным, оказалось кстати. Его Сиятельство никогда не стеснялся никаких городских чинов. И, в свойственной ему прямолинейной манере, не дал себе труд выбирать выражения, когда узнал, в чем тут дело.

Его зычный голос, голос воина, привыкшего на поле боя перекрывать звон мечей, стук щитов и проклятия умирающих, загремел на площади как гром Господень. Герцог был тем более зол, что его оторвали от накрытого стола, за которым утренняя трапеза плавно перетекала в вечернюю. «Изменники!», «Убийцы тишины!», «Не люди, а подобия зверей!» – это еще не самые резкие его высказывания. Он тут же припомнил, что уже три раза вражда Монтекки и Капулетти приводила к беспорядкам в Вероне, и клятвенно обещал четвертого раза не допустить. А если у кого-то вдруг возникнет желание освежить дряхлую вражду новой кровью, то он, герцог Барталамео I Делла Скала самолично вырвет кишки нарушителя спокойствия, обмотает их вокруг шеи и на них же негодаев повесит! Пусть все святые станут свидетелями его клятвы, именно так он и сделает, кто бы они ни были!

Герцог, рослый, красивый мужчина с широкими плечами, развитыми постоянными воинскими упражнениями, никогда не бросал слов на ветер. Если пообещал вздержнуть, то за ним слово не заржавеет, это все знали. Толпа начала рассасываться, а почтенные советники приумолкли.

Еще больше они скукожились, когда узнали, что за нарушение городского спокойствия, беспорядок на улицах и подстрекательство толпы он, герцог Делла Скала, Верховный судья Вероны, приговаривает семьи Монтекки и Капулетти к одинаковому штрафу в сто серебряных флоринов. Обоих почтенных советников перекосило уже всерьез. Они наперебой взялись доказывать, что виновата как раз не их сторона, а сторона противоположная, тогда как их сторона, в отличие от той стороны, делала все возможное, чтобы ту, противоположную сторону, успокоить и образумить...

С тем же успехом можно было доказывать льву, что есть сырое мясо вредно для селезенки. Герцог строго выкатил глаза, крикнул: «Молчать!» и пообещал удвоить штраф, если услышит еще хоть слово. На площади стало удивительно тихо...

Вот так все и произошло в то утро, я сам был свидетелем.

* * *

Что, Альфонсо? Ты спрашиваешь – как же другие два болвана?.. Ах, да! Эти, с воровским инструментом... Покорнейше прошу простить, сеньоры и сеньориты, просто я слегка запутался среди болванов, на которых так щедра наша солнечная земля...

Я понимаю, Альфонсо, что их судьба тебя не может не интересовать, подобное всегда притягивает подобное. Успокою тебя – с ними все было хорошо. То есть, хорошо для честных людей, не для них самих.

В дальнейшем они оба признались, что вечером на дороге напали на настоящих представителей дома Фиески, зарезали их и закопали в буковой роще. Потом переоделись в их одежды и решили под их личиной проникнуть в Верону. Здесь они намеревались быстро совершить несколько ограблений и бежать из города, пока их не раскусили.

Помню, наперебой каясь в грехах и сплевывая с кровью остатки зубов, они даже указали точное место, где зарыли настоящих купцов.

Потом мы отдали их венецианцам. Зная тамошние нравы, я полагаю, что топор палача эта парочка приняла, как желанное избавление. Так кончают многие из болванов, прими, мальчик Альфонсо, мои слова к сведенью ...

* * *

Конечно, вы все, сеньоры и сеньориты, слышали фамилии Монтекки и Капулетти. Весь мир знает, что юношу звали Ромео Монтекки, а девушку – Джульеттой из рода Капулетти. Но многие ли задумывались, что представляли из себя эти две семьи?

Знатные роды? Не смешите меня! Откуда возьмется знатность у городских толстосумов, чьи предки ковырялись в навозе и шныряли по деревням с коробами разной уродливо раскрашенной мелочи? Которые вытягивая из крестьянских кумушек последние медяки за булавки и гребни, и почитали за хорошую крышу над головой достаточно развесистое дерево?

На самом деле Монтекки и Капулетти – это были два богатых торговых дома. Дело в том, что в независимых городах Центральной и Северной Италии настоящей аристократии к тому времени было очень не много. А так как святу месту пусто не быть, их место заняли торгаши, разжиревшие до неприличия на перепродаже сукна, зерна, масла и заемных расписок. Именно эта торговая братия заменила собой аристократию крови, решив, что ничуть ей не уступает. Поэтому и правили они городами-сеньорами как своими лавками и конторами...

Вот вы говорите – это же хорошо, когда такие оборотистые и ловкие господа берут власть в свои руки. Мол, если аристократы крови выпустили власть из рук, значит, они ее не заслуживают, значит, она по праву принадлежит тем, кто проворнее и умнее.

Но давайте рассудим... Так ли уж хорошо, когда во главе государства становятся торгаши и дельцы?

Я так скажу, государство – не лавка с пряностями, и управлять им с идеей выжать из ближних своих последний дукат... Нет, ни к чему хорошему это привести не может! Я, старый Умберто Скорцетти, так считаю – для государства нужна не только твердая рука и оборотистый ум. Первое, что необходимо – общая идея, зажигающая сердца! Только так, сеньоры и сеньориты... Как это было, к примеру, у наших предков в империи римлян. Их идея – быть римлянином, значит, быть первым, нести другим народам цивилизацию и просвещение, пусть и на острие мечей.

Только так... А вдохновение всеобщей наживы – слишком слабая мысль для истинного объединения нации. И раздробленность центра и севера нашей страны, куда всякий завоеватель приходит со своим войском как к себе домой, – прямое следствие правления купцов и банкиров. Честь – вроде бы эфемерное понятие, не нужное в наши меркантильные времена, но это как раз цемент, на котором возводятся истинные государства. Наши предки, гордые римляне, это хорошо понимали в отличие от нынешних толстосумов.

Тебе, Альфонсо, наверняка невдомек, за что Господь наш Иисус Христос изгнал из храма менял, этих предтеч современных банкирских домов. А я скажу – даже всепрощающее долготерпение Господа не выдержало лицемерия этих гнусных рож, что за лишний цехин выкопают из могилы прах родной матери и бросят псам. Жадность – один из семи смертных грехов, как учил нас Иисус Христос Сыне Божий, но об этом все как-то очень дружно забыли. Сейчас даже у рыцарей монашеских орденов больше золота в сундуках, чем благочестивых мыслей в голове. И печальная судьба рыцарей-тамплиеров – прямое тому подтверждение. Не были бы они так богаты, не одалживай под проценты несметные суммы, разве надумал бы король Франции Филипп Красивый сжечь на кострах всю верхушку ордена и разорить их замки?

Я знаю, многие сейчас сочувствуют тамплиерам, считая их безвинными страдальцами. А мне, скажу прямо, их не жаль! Рассудить, что это за рыцари, что позволили себя сжечь?

Почему не умерли среди трупов врагов, вздымая к небу рыцарский меч, это подобие креста Спасителя нашего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.